

И.Т. Цориева

УДК 930.85

DOI 10.23671/VNC.2019.2.31369

О ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОСЕТИНСКОГО НАРТОВСКОГО ЭПОСА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Т.А. ГУРИЕВА

И.Т. Цориева*

Аннотация. В статье кратко рассматривается вклад Т.А. Гуриева в разработку проблемы происхождения осетинского нартвовского эпоса. Подчеркивается, что, несмотря на дискуссионный характер отдельных положений авторской концепции о монгольском влиянии на формирование героического эпоса, в том числе о происхождении термина «нарты», исследования ученого имели позитивное влияние на развитие нартоведения. Они углубляли представление о генезисе эпоса, о создателях, о времени и условиях складывания героических сказаний.

Ключевые слова: нартоведение, нарты, осетинская Нартиада, Т.А. Гуриев, концепция о монгольском компоненте в нартвовском эпосе.

Состоявшиеся 7 февраля 2019 г. в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева II Гуриевские чтения стали не только очередным поводом проявить уважение к памяти известного ученого-кавказоведа. Они также дали возможность обратить внимание исследователей и заинтересованной общественности на темы, которые приобретают особую актуальность в современных социально-политических условиях, когда возникает реальная опасность использования деструктивными силами в провокационных целях культурного наследия народов многонационального Кавказа [1, с. 4].

Для новых поколений исследователей многогранная научная деятельность Т.А. Гуриева безусловно представляет обширный материал для анализа. Отметим, что одними из важнейших гражданских свойств ученого были выявление и разработка значимых вопросов истории происхождения осетинского народа, его языка, развития духовной культуры. В ряду исследовательских проблем особое место заняли «Нарты», по собственной оценке Тамерлана Александровича, – «тема исключительно ответственная и обширная» [2, с. 3].

История изучения героического нартвовского эпоса, как известно, насчитывает более полутора веков. Исследовательская традиция, заложенная в XIX в. выдающимися русскими учеными (Вс. Миллером, Л. Лопатинским, Д. Лавровым, Е. Марковым и др.), была продолжена представителями молодой национальной интеллигенции (Ш. Ногмовым, А. Кубаловым, А. Кодзаевым, Ч. Ахриевым, М. Тугановым и др.). Дальнейшее развитие историография проблемы получила в советский и постсоветский периоды. Феномен нартвовского эпоса как общей эпической традиции северокавказских этносов раскрывался в трудах И.В. Трескова, Л.П. Семенова, В.И. Абаева, Ж. Дюмезиля, Е.И. Крупнова, У.Б. Далгат и др. Характеристика отдельных этнических версий Нартиады представлена в исследованиях Ш.Х. Салакая, А.А. Аншба, А.М. Гадагатля, Б.А. Алборова, Ш.Д. Инал-Ипа, Е.М. Мелетинского,

Б.В. Скитского, А.И. Алиевой, А.О. Мальсагова, Г.В. Цулая, З.М. Салагаевой, Ф.Д. Техова, Ю.А. Дзиццойты и др. [3, с. 4]

В период советской модернизации 1920-х – 1930-х гг. и особенно в годы Великой Отечественной войны в культурной политике советского государства отмечается устойчивый интерес к устному народному творчеству. Освоение богатой фольклорной традиции многочисленных народов СССР давало материал не только для решения научно-познавательных и просветительских задач, но и позволяло использовать заложенный в устном народном творчестве воспитательный и пропагандистский потенциал для формирования чувства любви к Родине, бесстрашия, воинской доблести, непримиримости к врагу, готовности к самопожертвованию во имя высокой цели [4, с. 59–60; 5, с. 287; 6, с. 112].

Социальный запрос расширял исследовательское поле фольклористики, стимулировал научно-исследовательскую деятельность в области нартоведения. На качественно новый уровень научного изучения нартвовской тематики гуманитарная наука вышла во второй половине 1950-х – 1960-е гг. В это время благодаря усилиям ученых и культурной общественности при поддержке политического руководства страны и Президиума АН СССР развернулось крупномасштабное и координированное исследование эпического наследия народов СССР, в частности нартвовского эпоса.

Формирование национальных научных центров, накопление источниковедческого материала по смежным областям научного знания: языкознанию, этнографии, археологии обеспечило достижение заметных результатов в собирании, публикации и изучении эпических текстов сказаний кавказских народов. В 1956 г. в Орджоникидзе, в 1963 г. в Сухуми, в 1972 г. в Тбилиси по инициативе Института мировой литературы АН СССР и национальных научно-исследовательских институтов состоялись совещания, посвященные нартвовскому эпосу. На научных форумах подводились итоги работы и определялись основные направления дальнейших

* Цориева Инга Тотразовна – д. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (tsorin@mail.ru).

исследований, связанных с выяснением места и времени возникновения героических сказаний, их отражением в памятниках культуры, установлением ареальных связей, соотношением эпоса с другими жанрами и т. д. В этот период осетинское нартоведение пополнилось новыми именами (З. Абаева, А. Бязыров, Т. Гуриев, С. Габараев, Н. Мамиева, К. Цхурбаева).

По мере накопления нового знания о предмете усиливалось стремление представителей кавказских научных школ подчеркнуть «первородность» своей национальной версии [7, с. 21], при этом все более отчетливо высвечивалась разность подходов в определении этнической принадлежности, национального характера и многонационального бытования эпоса.

Самой дискуссионной стала проблема происхождения и национальной принадлежности ядра эпоса. К 1960-м гг. в нартоведении утвердились две основные концепции генезиса нартовского эпоса: скифо-сармато-аланская и кавказская (в последней выделялись две версии: адыгская и абхазская).

Сторонники первой концепции, представленной, прежде всего, языковедами, полагали [8, с. 97, 117], что героические сказания проникли на Северный Кавказ вместе с аланскими предками осетин и распространились по всему региону благодаря широкому культурному заимствованию. Сторонники теории кавказского происхождения эпоса (эту позицию активно поддерживали археологи) исходили из убеждения, что героические сказания – это результат самобытного творчества автохтонных народов, к которым относили и осетин как потомков носителей кобанской культуры, ассимилированных пришлыми скифо-сармато-аланскими племенами и воспринявших их язык. Для аргументации своей версии они активно привлекали данные археологии [9, с. 50; 10, с. 19–20]. Упорство, с которым обе стороны отстаивали свои позиции, объяснялось тем, что происхождение отдельной этнической версии непосредственно связывалось с этнокультурогенезом хранителей этой версии. Эпос стал рассматриваться не только в качестве феномена культуры определенного народа, но и как системообразующий фактор его бытия и истории [3, с. 146].

Начало активной научной деятельности Т.А. Гуриева совпало именно с этим периодом острых дискуссий о генезисе эпоса. Он стал их свидетелем и непосредственным участником. Интерес к эпическому наследию народа и стремление углубленно заниматься нартовской тематикой особенно укрепились в нем в период командировки в Монголию в 1960-е гг., где ученый находился в качестве эксперта Департамента образования ЮНЕСКО. В это время, помимо основных обязанностей, он обращается к вопросу алано-монгольских отношений, с интересом изучает историю, язык и фольклор монголов. Собранный им обширный материал положен в основу докторской диссертации «Отражение монгольских влияний в эпосе и языке алан (осетин)», успешно защищенной в 1971 г. в Инсти-

туте востоковедения АН СССР [11, с. 6]. В том же году в издательстве «Ир» вышла работа автора «К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса», в которой была представлена концепция монгольского влияния на формирование осетинской Нартиады [12].

Вопрос о монгольском компоненте в эпосе осетин впервые поставил В.И. Абаев в статье «О собственных именах нартовского эпоса» (1935). Анализируя имена нартовских героев, он отметил, что некоторые из них (Хамиц, Батрадз, Сайнаг-алдар) явно имеют монгольское происхождение [13, с. 68–69]. В 1945 г. ученый вновь обратился к этому вопросу в работе «Нартовский эпос». В частности, он писал: «И если бы мы пожелали суммарно, в двух словах определить нартовский эпос с точки зрения его происхождения, мы сказали бы так: нартовский эпос – это аланский эпос с монгольским влиянием» [8, с. 92]. Возникновение общего наименования эпического племени «Нарты», интерпретируемого Абаевым как «Дети Солнца», он считал результатом длительного и интенсивного взаимодействия алан и монголов. При этом он полагал, «что и до встречи с монголами герои аланского эпоса считались «Детьми солнца», и монгольское влияние способствовало лишь замене соответствующего старого наименования новым, образованным от монгольского *нара* «солнце», и распространению его на всех эпических героев» [Там же]. Однако гипотеза Абаева о монгольском влиянии была отвергнута исследователями национальных вариантов эпоса.

В 1971 г. Т.А. Гуриев писал, что ее противники исходят из простого желания «дискредитировать древнейшее скифо-сарматское ядро эпоса и гипотезу о восточных влияниях и, таким образом, оставить только местный кавказский компонент. Все это преподносится под флагом ложно понятого патриотизма: дескать, нартовский эпос формировался здесь, на Кавказе, а не является «импортным товаром»» [12, с. 3]. Позднее, опираясь на накопленные знания и вновь открытые им источники, он пришел к заключению о том, что отрицание научных оценок В.И. Абаева было обусловлено рядом разнородных причин. Прежде всего, по справедливому замечанию Т.А. Гуриева, гипотеза ученого в тот период не получила должного исторического обоснования. Авторская концепция не содержала также надежных фольклорных источников, страдала неувязками, слабой обоснованностью связи термина «нарты» с самым молодым циклом Батраза осетинского эпоса и т. д. [14, с. 103]

Осознав создавшуюся ситуацию и став принципиальным сторонником гипотезы В.И. Абаева, молодой ученый поставил перед собой задачу восполнить ее «пробелы», обогатить и развить научную версию происхождения нартовского эпоса свидетельствами об обширных межкультурных связях с древними восточными народами. Очевидно, что нужно было обладать несомненной гражданской и научной смелостью, чтобы вскоре, в условиях

жесткого противостояния представителей противоположных сторон в вопросе о происхождении эпоса, выступить с обоснованием новаторской идеи существования монгольского компонента в осетинском эпосе.

Исследование исторического и фольклорного материала и основательный сравнительно-терминологический анализ текстов легенд и сказаний подвели Т.А. Гуриева к заключению о том, что длительные историко-культурные контакты алан с татарами-монголами в XIII–XV вв. нашли «рельефное отражение в содержании и структуре осетинского нарттовского эпоса, корни которого уходят в скифо-сарматскую эпоху» [14, с. 115]. Влияние монгольских племен на развитие эпоса автор обнаружил в ряде сюжетов, в именах героев сказаний. Результатом влияния монгольских племен на развитие осетинского эпоса он считал общее наименование эпического племени *нартæ* «Дети солнца». «Этот важнейший термин вошел в наш эпос...», – отмечал исследователь, – вместе с монгольской легендой о праматери богатырей, имевшей связь с небом» [12, с. 163]. Ученый непосредственно связывал эту легенду с образом Дзерассы. «Подобно тому, – писал он, – как монгольская эпическая Алан-гоа является матерью Нарунидов или Наранидов, точно так алано-осетинская *Дзерассæ-расугъд* является матерью нарттов или Наранидов» [12, с. 95]. Вместе с этой легендой в нарттовский эпос вошли «интересные мотивы и шесть имен: *Дзерассæ, Бæдзæнæг* (вар. *Бæдæнæг-Деденæг-Бадыноко* и т. д.), *Сохъыр-уæйыг, Арæхъцау, Хæмыц, Батырадз*» [12, с. 163]. Т.А. Гуриев обратил внимание на наличие в нарттовском эпосе также 14 имен явно монгольского происхождения, имеющих аналогии с именами известных исторических деятелей: *Хъандзæргæс* – Хан-Чингис, *Сайнæг* – Саин-хан, т. е. Бату, *Балга* – Бэркэ, *Тары фырт Нокар* – Татара сын Нокай и др. Причем перечисленные имена персонажей сказаний (*Хъандзæргæс, Сайнæг, Балга, Тары фырт Нокар*) принадлежали врагам нарттов, с которыми последние вели жестокую и непримиримую борьбу. Как справедливо замечал ученый, «в этом следует видеть отражение борьбы алан с татаро-монгольскими завоевателями» [14, с. 105].

Т.А. Гуриев полагал, что монгольское влияние имело принципиальное значение и для структурной характеристики осетинского эпоса. По его мнению, оно нарушило развитие аланского эпоса и привело к созданию новых циклов и межцикловых связей. Наиболее полно это проявилось в выделении нового цикла «Хамыц и Батраз». Монгольское влияние он видел также в отдельных богатырских и нарттовских сказаниях. Ученый утверждал, что очень важное сказание «*Уастырджы æмæ нæрттон æнæфындз Мæргъуыдз*» – «Уастырджы и безносый Маргуз» обязано монгольскому влиянию не только именем основного героя, но и некоторыми мотивами [12, с. 163].

Теория о монгольском влиянии, с осторожностью, впрочем, как все новое в науке, воспринятая

в ученом мире, вызвала оживленные обсуждения и неоднозначные оценки. К примеру, авторы рецензии на книгу Т.А. Гуриева «К проблеме генезиса осетинского нарттовского эпоса» отмечали, что ученый «подтвердил научность гипотезы В.И. Абаева о монгольском происхождении термина «Нарт» и поднял ее до уровня теории» [15].

Однако многими исследователями обоснованность теории о монгольском влиянии была поставлена под сомнение. Так, Т.А. Хамицаева, признавая несомненный вклад ученого в разработку нарттовской тематики, писала: «Автор проделал большую работу, использовал огромный материал по монгольскому фольклору и под его влиянием, увлеченный темой, часто в случаях, где следует говорить о типологических сходствах, видит монгольское влияние (монгольская легенда о зачатии от луча солнца Алан-гоа и рождении ее трех сыновей и осетинская легенда о рождении Шатаны; рождение самой Алан-гоа и Дзерассы)» [16, с. 64].

Продолжая эту тему, В.А. Кузнецов ставил вопрос не столько о монгольских, сколько об общетюркских элементах и воздействиях на нарттовский эпос. По его мнению, они исторически были обусловлены «весьма длительными и глубокими контактами предков осетин с тюркоязычными степными народами: болгарами, аварами, гуннами, хазарами, печенегами, половцами, обитавшими в Предкавказье на протяжении всей эпохи раннего средневековья». В то же время он подчеркивал: «Признавая наличие в нарттовском эпосе общетюркских и некоторых возможных монгольских элементов и заимствований, мы вместе с тем считаем его в основе своей самобытным творением осетинского народа и его этнических предков, развивавшимся в течение длительного времени на почве местной кавказской мифологии и в живом общении с соседними культурами...» [17, с. 25].

Однако Гуриев решительно отвергал, по его мнению, «сомнительные аргументы оппонентов»; он предостерегал от непонимания «новой концепции неспециалистами» и продолжал последовательно отстаивать свою позицию. «... бьющие в глаза ярчайшие факты, в том числе чуть ли не текстовые совпадения в двух эпопеях (монгольской и нарттовской. – *И.Ц.*), явные совпадения имен героев не были поняты», – утверждал автор [2, с. 31].

В целом, несмотря на острый характер дискуссий вокруг нарттовского эпоса (в частности, о происхождении термина «нарт», имен героев и сюжетов эпоса и др.), непосредственным участником которых был Тамерлан Александрович, они оказали позитивное влияние на развитие нарттоведения. Дискуссии углубляли представление о генезисе эпоса, о создателях, о времени, месте и условиях складывания первоначального ядра, ареале функционирования эпоса. Они также открывали новые возможности в использовании Нартиады в качестве исторического источника при изучении древней и средневековой истории и культуры народов Кавказа.

Очевидно, что и прежде, и сегодня отдельные положения авторской концепции, в том числе о происхождении термина «нарт», который, по мнению большинства нартоведов, имеет иранское происхождение, по-прежнему вызывают споры [18; 19; 20; 21].

Предваряя неизбежный в данной ситуации вопрос, отметим, что в данной статье не ставилась цель дать ту или иную оценку научной концепции Т.А. Гуриева. Думается, что это «поле ответственности» прежде всего лингвистов и фольклористов. Напомним лишь слова ученого, сказанные им еще в начале 1980-х гг. и предостерегающие от попыток увести нартоведение «в сторону от научной разработки» проблем осетинской Нартиады: «Нужно прямо сказать, что без признания монгольского компонента в нартовском эпосе многое останется непонятным. Поэтому речь должна идти не об опровержении иноэтнических влияний в Нартиаде, а о солидном, объективном их изучении» [2, с. 31].

Как известно, время все расставляет по своим местам. Оно в будущем покажет, насколько обоснованна концепция монгольского влияния на осетинский эпос. Сегодня же, говоря об ее авторе, следует обратить внимание на свойства личности, на наш взгляд, чрезвычайно востребованные в современной научной среде. А именно: то личностное качество носителя культуры дискуссии, с которым Т.А. Гуриев вступил более полувека назад в яростное полемическое поле нартоведения. Аргументируя свою позицию, он призывал к взвешенной объективной оценке всех аспектов, к добросовестному честному отношению в работе с источниками, к достойным формам изложения аргументов. В частности, он предлагал проявлять больше ответственности в научном комментировании изданий нартовского эпоса, основательно, но доступно отражать новый уровень научной разработки эпической проблематики [2, с. 31].

Очевидным результатом научной деятельности Т.А. Гуриева является также его вклад в формирование региональной школы нартоведения, определение принципов научной деятельности. Еще в 1971 г. в предисловии к монографии «К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса» он сформулировал принципиальное требование и пожелание научной молодежи: «Часть научной молодежи (к сожалению, не только молодежи) занимается исследованием нартоведческих вопросов, имея

на вооружении знание языка и фольклора только «своего» народа, чего, разумеется, явно недостаточно при исследовании проблемы генезиса такого сложного памятника, каковым является нартовский эпос» [12, с. 3]. Он обращал внимание на неприемлемость местнического подхода в нартоведении, существенно сужавшего и обеднявшего арсенал исследовательских возможностей нартоведов: «Я беру на себя смелость заявить, что вышеуказанные попытки, нотки местничества в нартоведении стали особенно явственно проглядываться в последние годы, что приводит к нежелательным явлениям в этой науке. Очень жаль, что это вообще стало возможным, хотя бы даже временно, хотя бы даже в частности» [Там же].

Следует подчеркнуть, что Т.А. Гуриеву как ученому и педагогу было свойственно не только последовательное и методическое развитие авторской научной концепции в нартоведении. Его также отличала готовность к восприятию иных взглядов и оценок. Он был открыт для дискуссии и тогда, когда речь шла о критике его теории монгольского влияния на формирование осетинского эпоса. Так, он замечал: «Значение монгольского вклада в алано-осетинский нартовский эпос можно будет окончательно определить только тогда, когда будут выяснены некоторые другие вопросы генезиса этого сложного, многопланового произведения устного народного творчества» [12, с. 164].

Прошли десятилетия, но отмеченные качества ученого и педагога Тамерлана Александровича Гуриева остаются бесспорными, вневременными в характеристике профессионализма, гражданственности, невзирая на идеологические «измы», которыми подчас пытаются манипулировать «критики прошлого».

Безусловно, школа нартоведения будет развиваться. В нее придут новые поколения талантливых исследователей, у которых, в том числе благодаря современным информационным технологиям, иные возможности обращения к историческим и фольклорным материалам, к языкам, к междисциплинарным связям, научному сотрудничеству. Хочется верить, что эта новая научная среда позволит реализовать требования, которые предъявлял Т.А. Гуриев к научной молодежи, и исполнить его надежды на сохранение традиционных нравственно-этических норм, корни которых уходят в богатое эпическое наследие кавказских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Канукова З.В.** Нартоведение: Научные традиции и перспективы // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. Вып. 4. С. 3–4.
2. **Гуриев Т.А.** Проблемы Нартиады. – Орджоникидзе: СОГУ, 1982. 34 с.
3. **Мамонова В.А.** Нартский эпос как код этнической истории и культуры осетин. – СПб.: ФГБОУ ВПО СПбГУТД, 2015. 209 с.
4. **Гостиева Л.К.** Из истории записи и публикации осетинского нартовского эпоса в 1940-е гг. // Вопросы литературы и фольклора. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2018. Вып. 10. Ч. 2. С. 59–75.

5. **Хадикова А.Х.** Моральный код личности в нартовском эпосе осетин // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2013. Вып. 2. С. 284–293.
6. **Цориева И.Т.** Нартовский эпос в исследованиях Северо-Осетинского научно-исследовательского института (1940-е – 1980-е годы). // Нартоведение в XXI веке: новые парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. Вып. 2. С. 111–126.
7. **Цориева И.Т.** Историкографический аспект вопроса о происхождении нартовского эпоса // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Влади-

Кавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2017. Вып. 4. С. 18–24.

8. Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия СОНИИ, 1945. Т.10. Вып. 1. 119 с.

9. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Издательство АН СССР, 1960. 520 с.

10. Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартовского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М.: Наука, 1969. С. 15–29.

11. Бесолова Е.Б. Жизнь в науке // Известия СОИГСИ. Вып. 29 (68). С. 5–16.

12. Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе: Ир, 1971. 165 с.

13. Абаев В.И. О собственных именах нартовского эпоса // Язык и мышление. Сб. статей. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. Т. 5. С. 63–78.

14. Гуриев Т.А. Проблема монгольского компонента в осетинском эпосе «Нарты» // Литературные связи Монголии. – М.: Наука, 1981. С.101–115.

15. Социалистическая Осетия. 1972. 2 июля.

16. Хамицаева Т.А. Некоторые итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // 80 лет служения отечественной науке. – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. С. 48–75.

17. Кузнецов В.А. Нартовский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. – Орджоникидзе: Ир, 1980. 135 с.

18. Бесолова Е.Б. К семантике термина «нарт» // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 55. С. 119–124.

19. Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартовского эпоса. – Цхинвали: Ирystон, 1977. 205 с.

20. Джиоев Х. К вопросу о происхождении термина «нарт» // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 125–133.

21. Таказов Ф.М. К вопросу о теории иранского происхождения термина «нарт» // Вопросы литературы и фольклора. 2010. № 4. С. 108–116.

ON THE ISSUE THE OSSETIAN NART EPOS ORIGIN IN T.A. GURIEV'S SCIENTIFIC HERITAGE.

I.T. Tsoarieva

Dr., Associate Professor, North Ossetian Institute for humanitarian and social research by name V.I. Abaev, Vladikavkaz (tsorin@mail.ru).

Abstract. The article briefly analyses T. I. Guriev's contribution to the development of the problem of the Ossetian Nart epos origin. It is emphasized that, despite the debatable nature of certain provisions of the author's conception about the influence of the Mongolian legends on the formation of the heroic epos, in particular, the origin of the term "Narts," the scholar's researches had a positive effect on the development of Nartology. They deepened the knowledge on the genesis of the epos, its creators, time and conditions of the heroic tales emerging.

Keywords: Nartology, Narts, Ossetian Nartiada, T.A. Guriev, the concept of the Mongolian component in the Nart epos.

REFERENCES

1. Kanukova Z.V. Nartology: Scientific traditions and prospects // Nartology in the XXI century: modern paradigms and interpretations. – Vladikavkaz: NOIHSS VSC RAS, 2017. Vol. 4. pp. 3–4.
2. Guriev T.A. The problems of Nartiada. – Ordzhonikidze: NOSU, 1982. 34 p.
3. Mamonova V.A. Nart epos as a code of ethnic history and culture of Ossetians. – St. Petersburg: FSBEI HPE SPSUTD, 2015. 209 p.
4. Gostieva L.K. From the history of recording and publishing the Ossetian Nart epic in the 1940s // Questions of literature and folklore. – Vladikavkaz: NOIHSS VSC RAS, 2018. Issue. 10. Part 2. P. 59–75.
5. Khadikova A.Kh. The moral code of the individual in the Nart epos of the Ossetians // Nartology in the XXI century: modern paradigms and interpretations. – Vladikavkaz: NOIHSS VSC RAS, 2013. Issue. 2. Pp. 284–293.
6. Tsoarieva I.T. Nart epos in the Studies of the North Ossetian Scientific Research Institute (1940s – 1980s) // Nartology in the XXI century: modern paradigms and interpretations. – Vladikavkaz: NOIHSS VSC RAS, 2013. Issue. 2. Pp. 111–126.
7. Tsoarieva I.T. Historiographical aspect of the question of the origin of the Nart epos // Nartology in the XXI century: modern paradigms and interpretations. – Vladikavkaz: NOIHSS VSC RAS, 2017. Issue. 4. Pp. 18–24.
8. Abaev V.I. Nart epos // Proceedings of the North Ossetian Research Institute. 1945. Vol. 10. No. 1. 119 p.
9. Krupnov E.I. Ancient history of the North Caucasus. – Moscow: Izdatel'stvo AS USSR, 1960. 520 p.
10. Krupnov E.I. About the time of formation of the main nucleus of the Nart epos of the peoples of the Caucasus. // Legends of the Narts – the epos of the peoples of the Caucasus. Moscow: Nauka, 1969. P. 15–29.
11. Besolova E.B. Life in science // Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. Issue 29 (68). Pp. 5–16.
12. Guriev T.A. To the problem of the genesis of the Ossetian Nart epic. – Ordzhonikidze: Ir, 1971. 165 p.
13. Abaev V.I. On proper names of the Nart epos // Language and thinking. – Moscow; Leningrad: Acad. Publishing House. Sciences USSR, 1935. Pp. 63–78.
14. Guriev, T.A. The problem of the Mongolian component in the Ossetian epos "Narts" // Literary connections of Mongolia. – М.: Наука, 1981. P.101–115.
15. Socialisticheskaya Ossetia. 1972. July 2.
16. Khamitsaeva T.A. Some results and problems of the development of Ossetian folkloristic // 80 years of serving the national science. – Vladikavkaz: IPP them. V.A. Gassieva, 2005. p. 48–75.
17. Kuznetsov V.A. Nart epos and some issues of the history of the Ossetian people. – Ordzhonikidze: Ir, 1980. 135 p.
18. Besolova E.B. To the semantics of the term "nart" // Vestnik of Dagestan Scientific Centre of RAS. 2014. No. 55. P. 119–124.
19. Gagloiti Yu.S. Some Issues of the historiography of the Nart epos. – Ckhinvali: Iryston, 1977. 205 p.
20. Dzhioev Kh. To the question of the origin of the term "nart" // Questions of Caucasian philology and history. – Nalchik: Elbrus, 1982. S. 125–133.
21. Takazov F.M. On the Issue of the theory of the Iranian origin of the term "nart" // Questions of literature and folklore. 2010. No. P. 108–116.